

КРИСТИНА ЮРАШ

ДРАКОНИЙ ЧИХ,
ИЛИ ОТСКРЕБАЙТЕ МАГА

Кристина Юраш

**Драконий чих, или
Отскребайте мага**

«Автор»

2024

Юраш К. Ю.

Драконий чих, или Отскребайте мага / К. Ю. Юраш — «Автор»,
2024

Во время практикума я случайно нашла яйцо дракона. По закону, как боевой маг, я обязана уничтожить его на месте. Ибо драконы - страшная угроза человечеству. Но яйцо вылупилось у меня на глазах, а у меня рука не поднялась убить кроху. Теперь вот не знаю, что хуже? Притащить дракончика в Академию? Или влюбиться в приехавшего дознавателя инквизиции, который вычисляет меня, чтобы уничтожить вместе с мои дракончиком?

© Юраш К. Ю., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава первая. В которой я потеряла покой и правый носок	11
Глава вторая. В которой явилась инквизиция, и уборщица попросила прибавку к зарплате	16
Глава третья. В которой я прятала дракона и откладывала кирпичи	20
Глава четвертая. В которой меня ждала страстная и бессонная ночь	27
Глава пятая. В которой я защищала научную работу и девичью честь	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Кристина Юраш

Драконий чих, или Отскребайте мага

Пролог

Я не из тех, кто сдается.
Я из тех, у кого не принимают.
Студенческие будни

– Ангелиза Дэй! О чем это вы там замечтались? Ну расскажите всем нам! Не стесняйтесь! Нам тоже очень интересно! – послышался голос преподавателя прямо над ухом.

Это было не самое заветное желание – выглядеть старательной студенткой после бессонной ночи. С разорванными трусами, в жеваном носке, в мятой форме в обнимку со слюнявым конспектом.

Самым заветным желанием было вернуться обратно в комнату. И проверить, все ли там в порядке! Или просто вернуться в комнату и проверить, есть ли у меня вообще комната?

Я схватила перо. И записала последнее, что услышала: «Читайте внимательно! В сто сорок восьмом томе «Коротко о нечисти» С. и Д. Винчестер все написано».

– Перейдем к проверке домашнего задания! И защитное зелье нам сварит... Ангелиза, к доске! – улыбнулся преподаватель. – Порадуйте меня!

За мной закрепилась репутация «хорошей студентки».

Наверное, потому что я никогда не призывала дух темного чародея в разгар сессии. В надежде, что он либо поработит мир. Либо сдаст за меня!

Я никогда не осуществляла дерзкие набеги на хранилище артефактов. С целью найти способ пронести ящик «Пьяной феи» в студенческое общежитие.

Мои трусы никогда не находили на подоконнике в библиотеке.

Я не выпускала свирепых учебных троллей из древних подземелий. Не принимала ставки, пока тролли били аккуратно, но сильно.

Не варила любовные зелья. Не слушала потом комплименты возле туалетной двери: «Я люблю тебя, красавица... Ой-ой-ой-ой-ой! Твои глаза, как алмазы... Ой-ой-ой-ой-ой!».

Все дни напролет я проводила в библиотеке. Отрабатывала удары на учебном гоблине. Исправно выполняла все домашние задания...

Но не сегодня.

Еще утром я услышала довольное «Ом-ном-ном!». И предсмертное шуршание вкусного домашнего задания. Я спросонья посмотрела на пол: «Вкус-с-но тебе?».

– Покажите всем, как нужно готовиться к уроку! – произнес Ластик.

Он угрожающе сверкнул лысиной и очками. И бросил строгий взгляд на шуршащую галерку. Но «пронзительный взгляд» не долетел. Развеселая галерка не дрогнула, продолжая подсчеты девственниц в академии.

А еще обсуждали красавицу Тиару. Которая любила некромантов. Все парни, которые мечтали о ее голубых глазах и том, что пониже, выбеливали волосы и носили черные мантии. Но Тиара выбрала скромного целителя. Брюнета. В голубой мантии. И первыми «молочными» усами. И как после этого понимать женские капризы?

– Кехе-кехеум! – полетел еще один пронзительный преподавательский взгляд. Еще пронзительней прежнего. Этот взгляд пролетел чуть дальше первого. И заставил галерку немного снизить тон.

Даже грозное шевеление усами не возымело нужного эффекта!

Преподавателя звали Огден. Но студенты называли его Ластик. Пах он восхитительной смесью брутального одеколона и доисторических носков. Носил стоптанные ботинки, мантию цвета линялого ковра и тяжелые парты заклинанием. По слезной просьбе женского коллектива.

За время преподавания отрастил самомнение, усы и зарплату.

Ее он тратил на всякие снадобья. Лишь бы однажды снова проснуться юным, задорным и пушистым. Чтобы снова очаровывать наивных студенток. И читать на партах признания в любви.

– Мисс Дэй! – мне указали на место возле доски. – Прошу!

Я трусливой трясогузкой направилась к котлу. На ходу вспоминая, что вчера писала.

Котел блестел, как нализанные кошачьи причиндалы.

Сотни склянок гнездились в огромных шкафах. Каждая из них соблазнительно шептала: «Возьми меня и устрой им конец света!».

Одна половина банок обещала быструю мучительную смерть. Другая предлагала помучиться лютой предсмертной диареей вперемешку с агонией. Да так, чтобы смерть под конец улыбнулась: «С облегчением, дружочек!».

Уже через минуту стало понятно, что со мной зелья не сварить. Мой страдальческий взгляд умолял отпустить меня обратно за парту. Пока моя импровизация не закончилась Армагеддоном.

– Ангелиза! Я не узнаю вас! Что с вами такое? Последний курс! Через три месяца – диплом! Вы всегда шли так хорошо... – протер очки преподаватель. Он был возмущен и расстроен.

Мне показали вереницу моих пятерок в журнале. В надежде пошевелить мою совесть. Совесть кивнула: «Я немного в курсе! Обещаю сожрать ее этой ночью!».

– Вы что? Влюбились? – на меня посмотрели выразительно.

– У нее парень есть! – крикнул кто-то с галерки. – Она с сыном ректора зелье мутит!

Я сделала глубокий вдох. И приготовилась принимать позор на свою рыжую покаянную голову.

И тут в утренней тишине послышался громкий, раскатистый звук.

Он был похож на чей-то рев. Словно эхо в горах. Звук был где-то далеко. Студенты переглянулись. Кто-то даже чихнул.

В окна ударил ветер. Цветные стекла загудели под его натиском. Дальнее окно распахнулось настежь. Створка истерично звякнула. Дорогие шторы надулись от ветра и собственной важности.

– Ой-е-ей! – смеялись студенты, спасаясь от штор.

Шторы раздулись, как паруса. Конспекты, листы и секретные послания разлетались по аудитории. Так мы узнали, что Амона любит Дориана. И, возможно, немного беременна от его лучшего друга!

– Дабросьте кто-нибудь заклинание! – заныли девчонки, спасая свои секреты.

Страницы книг с шелестом переворачивались. Накатывало легкое чувство «что-то не так!».

Станный звук, похожий на рев, стал громче. И смех прекратился.

– Что это? – притихли студенты, перешептываясь. – Вы слышите?

Не услышать мог только глухой. Чувство «что-то не так» сопровождалось сжатием нижних чакр, настороженностью суслика и подозрительностью инквизиции.

Все тревожно смотрели на окна. И задавали друг другу один и тот же вопрос. Но ответа на него никто не знал. Потому что экстрасенсов среди нас, инквизиторов, нет. Они заседают в соседней аудитории.

Прошло несколько секунд расслабляющей тишины. И все разочарованно успокоились.

Я стала вспоминать, что входило в состав зелья. И в каких пропорциях. И сыпала поочередно ингредиенты. На глаз. Ластик морщился и качал головой. Я понимала, что обречена.

Вдруг все потемнело. Словно на секунду померкло солнце. А на Академию легла огромная тень облаков.

Я подняла глаза на аудиторию. И тоже прислушалась.

Тут же стало ослепительно светло. Словно что-то огромное стремительно пролетело, заслоняя солнце.

В котле бурлил желтый «чай-мочай». А должно быть зеленым! Огромные пузыри лопались. Котел дрожал. Вонючее зелье выплеснулось и обдало мне туфли.

Когда я сыпала третью драконью кость, над башней послышался оглушительный рев.

Пугающий, словно раскат грома. Он заставил меня подпрыгнуть на месте. И просыпать все на пол.

Студенты настороженно смотрели на окна. И молчали. «Вжух-вжух!» – слышался звук, как будто кто-то пускает мощные заклинания.

«Тыдыщ!» – обрушилось что-то совсем близко. По подоконнику застучала каменная крошка.

Котел снова подпрыгнул. Башня зашаталась, как при землетрясении. Колбы, банки, склянки слетели с полок. Они брызгали стеклом, рассыпались порошками, растекались ядовито-цветными дымками и лужами.

Ластик подошел к окну. За окнами стремительно пронеслась огромная тень.

– Домашнее задание! Пока не забыл! Подготовить реферат на тему «Защитные зелья как...» – начал преподаватель.

Договорить он не успел. Прямо в окна ударил закат. Яркий, оранжево-красный, ослепительный. И подозрительно преждевременный. Закат распахивал створки и сжигал шторы.

Все бросились к двери под крик Ластика: «Я еще не говорил, что урок окончен!».

Не помню, как очутилась тесном в окружении толкающихся локтей.

– Урок не окончен! Всем вернуться на места! – слышался голос за нашими спинами.

– Уважаемые студенты и преподаватели! Просьба пройти в главный зал! Это не учебная тревога! – раздался пронзительно громкий голос. – Не поддавайтесь панике! Помогайте товарищам!

Спереди не пускали. Сзади напирали. В кучке было не так страшно! «Быстрее!» – давил кто-то сзади. Мне поддали коленом. Я в долгу не осталась. И помогла «товарищу» локтем.

– Уважаемые студенты и преподаватели! Сохраняйте спокойствие! Это не учебная тревога! – резал уши пронзительный голос. – Просьба соблюдать спокойствие и дисциплину!

Топот ног и паника нарастали. Еще бы! Все дружно почувствовали себя начинками для гроба.

Нас выбросило на темную лестницу. Я потеряла пуговицы, половину нервных клеток и, возможно, девственность! Но я не уверена. Девственность я берегла до выпускного! Как договаривались!

«Бум-бум-бум!» – грохотали наши ноги по ступеням. «Тумс-тумс-тумс!» – колотилось сердце. Оно чувало опасность, но не видело ее! И это пугало еще больше!

– Это не учебная тревога! – повторял голос сирены. – Воздержитесь от применения магии до выяснения обстоятельств! В целях безопасности не пользуйтесь порталами! Закройте двери кабинета! Прервите ритуалы, заморозьте зелья, отпустите призванных существ!

Что там происходит? Что вообще случилось? На нас напали темные маги? Люди! Ау! Что там такое!!!

Наш поток смешался с другими потоками. Такими же перепуганными, растерянными и ничего не понимающими!

– Дракон!!! – закричала студентка с короткой стрижкой в дремучих очках. Огромная тень пронеслась вдоль огромных витражных окон.

– На Академию напал дракон! Я его видел!

– Ох ты ж, святые суслики! Серьезно? Дракон? – ужаснулся кто-то мне прямо на ухо. – Настоящий?

– Прямо возле окон пролетел! Прикиньте! – задыхался девчачий голос. – Вот так «вжух»! А потом башня хрусь! И всё!

– Ух ты ж, ушки-раскладушки! Правда? – снова ужаснулся кто-то на ухо. И это начинало раздражать.

– Он во! Не, во! Короче, с нашу башню! Его кто-то призвал! По-любому! – визжал бело-брысый первокурсник, внося толику ужаса и ясности в ситуацию.

– Ах ты ж, ежики боевые! – бубнел кто-то на ухо. – А кто?

У меня над ухом поселился какой-то детектив! Сейчас расследование проведет! Ага!

Грохот заставил вжать голову в шею и прикрыть голову руками. Парализующий страх приклеил ноги к полу. Как раз вовремя. Потому что пол зашатался.

Осознание дошло с брызгами стекол.

Дракон? У меня внутри все похолодело! Напал на Академию? Мне срочно нужно в свою комнату! Вот прямо не срочно, а СРОЧНО!!!

– Сохраняйте спокойствие! Сохраняйте спокойствие! – убеждал кто-то из преподавателей. – В главный зал! По одному!

Нет-нет-нет! Я сейчас! Я быстро! Тут бежать всего ничего! Два портала!

– Я тоже хочу сражаться с драконом! Подожди меня! – меня дернул какой-то герой.

Но я спасла его жизнь прицельным пинком. Его мама должна каждый год вязать мне теплый свитер и передавать имбирные пряники.

Я буравила локтями толпу. И продиралась сквозь дебри перепуганных очевидцев.

– Всем отойти от окон на безопасное расстояние! – командовал голос за спиной.

Академия шаталась, тряслась, съезживалась. Окна дребезжали. По потолку бежали трещины. Наперегонки с ними все бежали в главный зал – самое безопасное место Академии.

На пол и головы сыпалось все министерское финансирование. Что творилось снаружи, страшно было представить! Судя по грохоту, от Академии останутся одни руины.

Огромная тень хищно скользила вдоль окон.

В такие моменты внутри все сжималось. По телу бегали мурашки. Ватные колени прогибались. Сердце скакало: «Только не... Только бы не...». Когда тень исчезала, следовал невольный выдох облегчения: «Очешуешь!».

Дракон выламывал башни, срывал крыши, сносил стены. После каждого грохота слышались дружные визги.

Лопнувшие стекла брызгами летели под ноги. Портреты падали со стен и разбивались.

Меня два раза роняло на пол. Я визжала, прикрывая голову руками.

Я упорно бежала по коридору. Пол под ногами вздрагивал и трясся. Меня швыряло туда-сюда от «Древней магии» к «Новейшим магическим открытиям». Стенды разбивались. Витрины трескались. Статуи кончали жизнь самоубийством.

– Ну же! – орала я, прикладывая руку к двери своей комнаты. В комнате царил бардак! Шкаф завалился. Учебники валялись растерзанные на полу. Под кроватью ловко исчезали мои голубые трусы.

– Иди сюда! – процедила я, падая на колени и шаря рукой под кроватью. – Иди сюда! Угнетатель носков и убийца маминых нервов!

Схватив трусы, я потянула их на себя. За ними вылезла чешуйчатая морда. «Фуф!» – чихнул на меня самая милая и полезная в быту животика.

– Давай, не вредничай, Фуфлыжник! – испугалась я, хватая сумку со стола.

Я вытряхнула оттуда все конспекты. И стала засовывать возмущенного Фуфлыжника.
– Да что ж ты! Ну? А кому кто заправлять будет? Голову засунул и всё? Спрятался?
С усилием я протолкнула чешуйчатую кому в сумку. Из сумки вынырнула любопытная морда.

– Там и сиди! – строго приказала я. И рукой заправила ее обратно.

Прижав сумку к груди, я вскочила на ноги.

– На! На тебе носок! – трамбовала я носок в сумку.

И тут время остановилось. Я знала, что в самые страшные моменты может показаться, что время действительно идет куда медленнее. Чтобы дать возможность насладиться ужасом сполна и разглядеть свой конец.

Я видела, как медленно вылетают стекла в узком окне. Как прыгает гоблинским шаманом мой письменный стол. Как шуршащими птицами взлетают мои драгоценные конспекты.

В окне промелькнул огромный желтый глаз с поперечным зрачком. И раскрытая жуткими зубами пасть заслонила свет.

– А вдруг это мама? – промелькнула мысль.

Я сделала шаг назад, прижимая сумку к груди. И увидела, как в окне медленно мелькает чешуйчатое брюхо. Я могла разглядеть каждую серую чешуйку.словно по отвесной стене полз огромный змей.

Дракон раскачивал башню, как молочный зуб. Наверное, он был уверен, что потом у нас вырастет «коренная башня».

Я посмотрела в окно. Это – никакая не мама. Скажем так, это полноценный папа! Дракон сидел на студенческой башне. И в окошко был виден кусочек... хм... папы...

Удар хвостом покачнул башню. Меня выбросило за двери. Я бросилась к portalу. В сумке кто-то чавкал носком.

– Вкус-с-но тебе? – прошептала я, бросаясь к следующему portalу.

– Быстрее! – подгоняли меня преподаватели, размахивая руками. Я бежала к дверям в главный зал. Ботинки хрустели стеклами. Перепрыгнув через разбитую статую, я юркнула в закрывающиеся двери.

Как это мы еще не собрались дружным коллективом и не запинали дракона заклинаниями? Учитывая, сколько денег придется сдавать на реконструкцию Академии, дракон был бы не жильцом!

Зал был наполнен испуганным шепотом. Студенты кучками сидели вдоль стен и под колоннами. Старый ректор расхаживал и пересчитывал студентов и требовал списки.

– Ангелиза! Ты как? – слышался голос, на который я радостно обернулась.

На меня красивыми серыми глазами смотрел Ион. Он жив, здоров! Какое счастье!

Я облегченно ткнулась ему в плечо. И выдохнула. Сумка зашевелилась. И я осторожно отвела ее назад.

– Я так за тебя волновался! – мои плечи растирали. – Ты где была? Сумку давай!

– Не-не-не! Эм... просто за конспектами бегала, – соврала я, пряча сумку с Фуфлыжником за спиной.

Ион смеялся. Ему не понять тягу к учебе. Успеваемость у него прихрамывала. Но папа выдал ей костыли. Так, на костылях, она доковыляла до последнего курса.

Однако, я никогда не смогу развидеть скелетов, которые танцуют эротический танец. И зомби, изображающего стриптиза с отрыванием собственных конечностей. Чтобы бросить их в благодарных зрителей.

Мы уселись возле стены.

С потолка сыпалась штукатурка. Зал ходил ходуном. Защитные заклинания мерцали, удерживая стены и потолок от падения. Где-то над нами слышался страшный бешеный рев.

А я держала руку на сумке. В сумке мирно доедался мой носок. Со зверским аппетитом.

– Больше никогда так не делай, – меня прижали к себе и стали дышать в макушку.

– Обещаю! Больше не буду, – улыбнулась я, потершись щекой о черную мантию.

Все некроманты носили особую форму. Она чудесным образом подчеркивала аристократичную бледность лиц. Оттеняла пепельные волосы. И увеличивала количество разбитых женских сердец.

– Ой-е-е-ей! – взвизгнули все, когда с потолка отвалился целый пласт. Я тоже вздрогнула. Неужели прорвался?

– Без паники! – твердили преподаватели. – Макдаун! Прекратите бегать туда-сюда! На место сядьте! Тоже мне, драконоборец! Эмилия Стоунвуд! Хватит орать! Вы орете громче дракона! От того, что вы орете, дракон никуда не денется!

– Он просто оглохнет. И тогда его будет легче подкрасться и убить! – усмехнулся любимый.

– Агнесса Мироуз! Прекратите плакать! Вы так рыдаете, словно он конкретно за вами прилетел! И жаждет подливки из ваших соплей! – уперла руки в боки преподаватель по защите от темной магии – мадам Винс.

Ей было уже далеко за шестьдесят. И она всю жизнь прождала своего принца. И сейчас продолжает ждать. Чтобы посмотреть в его бессовестные глаза и устроить ему скандал: «Ты где шлялся, паскудник!». По вечерам она жаловалась кактусу. И вязала варежки. Причем все левые. Правые ей никак не давались.

– Что дракон забыл в Академии? Их никто уже лет сто не видел! – слышался голос Иона. Ему было не страшно. И мне это ужасно нравилось.

– Не знаю, – пожала плечами я, радуясь, что с ним все в порядке. – Если бы бухгалтерия не была в отпуске, в декрете и на больничном, то ему бы яйца оторвали. Сняли бы туфли на каблуках и отогнали бы.

– А потом бы отшлепали сметой на ремонт! – усмехнулся Ион. – Но все-таки! С какого перепугу он напал?

Я, конечно, догадывалась, что забыл в Академии дракон. Но где гарантия того, что вместо переключки: «Папочка! – Сыночек!», моего Фуфлыжника просто не съедят?

Я еще не дочитала книгу «Как приручить дракона, сохранив при этом все конечности!».

– Вот прорвется, тогда все сходим в туалет! А пока держите себя в колготках, Венсант Найтвиль! Не чешите, не теребите и не задавайте глупых вопросов, когда он улетит? Сейчас расписание посмотрим и скажем! – усаживали еще одного героя на место.

– Мы уже сообщили в министерство! – кричали с другого конца зала.

Я сидела, просто прижавшись к любимому. Одну руку я грела в чужой руке. А вторую прятала в сумке. И кое-кто кусал меня за палец.

Казалось, вот оно – счастье. Лучший парень в Академии, отличные оценки, последний курс и три экзамена автоматом.

Но буквально через несколько часов мир перевернется с ног на голову. В тишине разрушенного зала послышатся шаги. И мягкий голос произнесет: «Ну что, детки – конфетки... Поздравляю, вы доигрались до инквизиции!».

Глава первая. В которой я потеряла покой и правый носок

Улучшения в судьбе пока не происходили. Но потом все стихло. Мы посидели немного со словами: «Мандраговенько как-то! Может, притаился?». Но было тихо. Мы решили посидеть еще со словами: «Чем сфинкс не шутит?». Нижние «сфинксы» все еще загадочно сжимались.

Сначала мы обратились к экстрасенсам. Те собрались в дружную кучку. Чтобы сверить прогнозы. Из кучки долетало: «Может, просто скажем, что дракона нет? Если что, свалим, что дракона не видела, а это – драконица?».

Они шуршали, пытаясь предсказать наше будущее. Поставляли чувствительные чакры потокам энергии. Обсуждали гадание на наличие дракона по драконьим какашкам в округе.

– Вот! Вот! А я говорил, – гордо произнес преподаватель по прорицанию.

Это был хитрый дедуган с прищуренным глазом и бородавкой. Он принципиально игнорировал штаны. И носил женскую мантию с обвесом в виде бус, цепочек и всего, что отберет на уроке.

Дед требовал, чтобы его называли Мадам Гадриэль. И в ответ на «Здрасте!» смотрел на тебя так, словно за углом тебя караулит смерть. «Ай-я-яй! Такая молодая, а уже...» – качал головой он. И страшно замолкал. На первый курс это действует до истерик и воплей. Старшекурсники давно привыкли и отвечают: «И вам того же!».

Гендерная интрига вскрылась случайно. Когда Мадам Гадриэль упал с лестницы. Мы выяснили, что это вовсе не бабушка. А полноценный дедушка. Который опрометчиво проигнорировал нижнее белье. С тех пор его называют Гадиком.

– Ну и какие у нас какие неприятности? – прищурил правый глаз Гадик.

– Предсказанные лично вами, – ответили все.

И пока самые бесполезные паникеры были заняты, ректор решил выпустить первых «голубей».

И подождать результата. «Дракона нет!» – крикнули нам.

И мы стали недоверчиво подниматься и отряхиваться.

Система восстановления Академии, запущенная ректором, возвращала куски штукатурки на место.

Итого. Что мы имеем? Три башни под корешок.

– Ура! Там наши контрольные! – обнимались счастливые целители.

– Я их забрал в комнату, – хладнокровно произнес их куратор. Добрый молодой доктор с глазами убийцы. Звали его Амиэль.

Его именем были исписаны стены во всех женских туалетах. Именно на него западали первокурсницы. Отпускало их только к курсу третьему. И с этого момента формировался стойкий иммунитет к его бездонным холодным глазам, к кривой улыбке «Мне фиолетово!» и таинственному молчанию.

Мы выходили по одному, осматривая разрушенный коридор.

– Ох ты ж, палочки-по постели, моталочки! – выдала уборщица, глядя на руины. И упала в обморок.

Мы были о ней лучшего мнения. Если бы ее предшественница, Миссис Пик, не ушла на пенсию, то дракон надолго бы запомнил нашу Академию.

С воинственным криком: «Куда по вымытому!» она сразу поставила бы дракона на грань вымирания. И гнала бы его шваброй до самых Сумрачных Гор. Причем вычислила бы его пещеру по запаху обкаканного дракона. Пробралась бы туда, несмотря на больную спину.

Прямо по отвесному утёсу. И зверски прикончила дракона в его естественной среде обитания. Ведром.

Но всё могло быть куда прозаичней. Ловкая бабушка растерзала бы его голыми руками за разбитое окно. А потом вонзила бы швабру в голову. В героическом прыжке.

При мысли о Миссис Пик я улыбнулась.

Камни кое-как становились на место. Стекла собирались и пытались снова запрыгнуть в раму. Шторы с шуршанием ползли в сторону карниза. И прыгали обратно на стену. Статуи кое-как вставали на места.

– В северное крыло пока не ходить! – слышались голоса. Я хрустела крошкой стен под ногами.

У статуи Первой Чародейки появились все признаки Первого Чародея. Заклинание реставрации тоже иногда дает сбой. Так что магия – вовсе не панацея!

– Я провожу, – послышался голос Иона. Он приобнял меня, заставив перевесить урчащую сумку на другой бок.

Мы пробирались в сторону моей комнаты.

– Ну всё, – я чмокнула его в нос, когда открыла дверь. – Пока!

– Что? Не пригласишь? – улыбнулся Ион, пока я придерживала дверь. Его длинные белые волосы красивым каскадом падали на черноту припорошенной пылью мантии. Пылинки смотрелись, как звезды на черном небе. И я понимала, что однажды мы поженимся, у нас будет двое детей, красивый просторный дом и...

Сумка заворочалась. Я спрятала ее за спину.

– У меня не убрано! – парировала я с улыбкой, прикрывая собой сумку. – У меня там словно дракон бушевал!

– Да ты что! Неужели? Прямо дракон? – со смехом ответил Ион. Он положил руку мне на щеку и поцеловал в губы. – Жду выпускного...

– Я тоже, – прошептала я, глядя ему в глаза. Наши взгляды встретились. И я почувствовала, что, наверное, люблю его.

Когда дверь закрылась, я вытряхнула сумку на кровать. Окно уже чинилось, стол вставал на место. А мятый истребитель носков и лифчиков дулся на меня и шипел.

Это случилось позавчера. Нас торжественно пересчитали и выбросили на практику в Смердючий лес. Сказали, что гоблины совсем распоясались.

Кто не в курсе. Гоблины плодятся со скоростью кроликов. Иногда кажется, увидел одинокого гоблина, моргнул, а у него уже семья и восемь зеленых детишек. Девятый на подходе.

Ученые считают, что в гоблинских семьях рожают и муж, и жена. На скорость. А беременность длится два месяца. Но факт ничем не подтвержден. В неволе не собирался размножаться ни один гoblin.

Я бы тоже отказалась, наверное. Когда на тебя смотрит десяток глаз и все дружно подгоняют: «Давай, давай!», как-то не очень хочется.

Так вот, нас выбросили на прополку гоблинов. Ибо гоблины уже порядком надоели, озверели и стали подворовывать детей из соседних деревень.

Гоблинов долго искать не пришлось. Они нашли нас сами. Мы, конечно, обрадовались. Еще бы! Сейчас с криком: «Сгинь, нечисть!» раскидаем их по окрестным елкам. А они с радостными криками: «Ммм! Ужин!» мысленно сварили нас с укропчиком и базиликом.

Но в процессе радостной встречи мы поняли, что гоблины вызвали подкрепление. И поступил приказ бежать к порталу!

Я тоже бежала. Правда, окольными путями. Поскольку за мной скакал резвый и молодой гoblin в набедренной повязке. А следом за ним все его друзья и родственники.

Выбежав на поляну, я споткнулась. И с размаху поцеловала гнилой мох и чью-то какашку.

Думала, мне конец! Но кто-то пустил огненную стрелу между деревьями. И гоблины дружной толпой ломанулись туда. Я отряхнулась, как вдруг увидела плесневелую сумку. Из которой выкатилось огромное чешуйчатое яйцо. Оно было грязным и бурым. Но я сразу поняла, что это – яйцо дракона.

По закону дракон считается магическим существом первой степени опасности. Поэтому я должна была уничтожить яйцо сразу же. Или позвать кого-то.

Но только я направила заклинание на яйцо, как оно пошевелилось. Сначала я думала, что мне показалось. Но оно снова пошевелилось. Откуда-то появились языки пламени. Скорлупа треснула и... На меня смотрели янтарные глазки.

– Фуф! – выдал дракончик так, словно только что разнес три города. И утомился. Из его ноздрей потекла струйка черного дыма!

– Фуфты-фу! – чихнул малыш, выбирая из скорлупы. По размерам он был не больше вороны. Тонкие крылья, цепкие коготки и взгляд, от которого я опустила руку с заклинанием.

– Слышишь, фуфлыжник, – прошептала я, осматриваясь по сторонам. – Ползи отсюда! Ползи к маме!

– Фу!!! – отказался дракончик. Он чувствовал, что у меня пока нет детей. И вакантное место нервотрепа свободно. Поэтому целенаправленно полз ко мне.

– Не надо, – пятилась я, цепляясь за старую сумку. – Я не трону тебя. Только уползи! Я прошу тебя! По-хорошему!

Но дракончик не понимал. Ни по-хорошему, ни по-плохому. Зато я вспоминала, что бывает за дракона.

В голове промелькнул уголовный магический кодекс.

«За хранение, применение, использование в тех или иных целях дракона мера пресечения в виде пожизненного срока заключения в магической тюрьме строгого режима. Без возможности обжаловать приговор. Дракон подлежит изъятию и уничтожению. За противоправные действия, указанные в пункте девять точка восемь, повлекшие за собой причинение вреда имуществу или здоровью – смертная казнь».

– Примула вызывает мандрагору! – послышалось в кристалле.

– Да-да! – спешно и немного напуганно отозвалась я.

Кристалл скакал в трясущихся руках. А я все никак не могла его удержать.

– Возвращайтесь на базу! – послышался гнусавый голос.

Все, кто говорит через кристалл, имеет гнусавый и противный голос. Это называют магическим искажением.

– Так точно! – ответила я, чувствуя себя будущим инквизитором. В инквизицию попасть сложно. Берут одного из целого выпуска. Так что за оценками нужно следить внима... Ай!

Меня обняли за ногу и сделали вид, что так оно и было. Когти впились в грязные штаны. Тонкие хрупкие крылья сложились и все. Дракончик дрожал и плакал.

– Так ладно, – вздохнула я, осматриваясь по сторонам. – Лезь в сумку.

Я вытряхнула зелья ночного видения, бинты и какую-то мелочь прямо на землю.

– Ур, – выдал Фуфлыжник. И улегся поудобней. Чтобы царапать сквозь сумку мою ногу. И покусывать за попу.

Все прошло на редкость идеально. В холл Академии ввалились комья грязи. Из некоторых торчали ветки.

Пришлось поверить на слово, что тридцать две какашки – это инквизиторы. А идиоты, которые пинают друг другу голову гоблина – это вся галерка.

В тот момент мне показалось, что всем плевать на дракона. Все были грязные, замерзшие, уставшие и голодные настолько, что перепутали Ральфа и лесного тролля.

При помощи заклинания подчинения Ральф привел тролля в Академию. Тролля поставили зачет. Потом сказали, чтобы он вышвырнул эту мерзость на улицу. И кивнули на Ральфа.

Ошибку поняли через пару минут. Но сил ругаться уже не было.

Вот так в библиотеке стало на шесть книг про драконов меньше.

А в моей жизни завелся пожиратель трусов.

Он рвет их с завидной ненавистью. И регулярностью. Вытаскивает из шкафа и глумится над кружевными телами жертв.

Это не просто маленькая «мстя». Нет. Это – кровная вендетта. Хлебом не корми, дай трусы разорвать! Словно они когда-то предали всю его семью, выгнали на мороз и заставили хороводиться вокруг горящего дома. И вообще стали виновниками всех бед.

Сегодня вместе с трусами пострадал невинный бюстгальтер. Он мирно висел на стуле. И не подозревал, что к нему крадется маньяк-убийца. Черное дело было сделано за считанные секунды. Бюстгальтер даже пискнуть не успел.

Только предательский стул с грохотом завалился: «Помогите! Спасите! Убийство среди бела дня!».

Только благодаря его бдительному «БУМ!», преступник был пойман на месте преступления. Прямо над траурным кружевом бездыханной жертвы.

Улики свидетельствовали против него. Но преступник попытался скрыться от правосудия под кроватью.

Теперь в коробке трепещут от ужаса носки. Но носки – не лебеди. Парами не умирают. Сейчас они обнимаются узелками и прощаются друг с другом. «Ну-ну!», пытается допрыгнуть до них маленький мучитель.

Но трусы кончаются. И кое-кто, возможно, отправится на новые кружевные пастбища. А вот этого не хотелось бы! Маленькое зло должно быть локализовано в комнате!

– Так, Фуфел, – потеряла я руки, доставая книгу из-под матраса. – Сейчас определим. Мальчик ты или девочка. Фуфел или Фуфелька!

Древние страницы пестрили примерами. Я с подозрением поглядывала на Фуфлыжника.

– Фуф! – насупился малыш, пока я пыталась его взять на руки.

Страница с шелестом перелистнулась. Я уперлась взглядом в строчки: «Яйца дракона – это миф. На самом деле драконы – живородящие. Но если в первые дни жизни малышу угрожает опасность, его магия создает чешуйчатую броню, похожую на яйцо. Это – особая броня, не пробивается большинством заклинаний, устойчива к механическим повреждениям. И даже выдерживает падение с огромной высоты! Пол дракона определяется заглядыванием под хвост. У самцов половые органы указаны на рисунке 45.2».

– Так вот оно что! – удивилась я, глядя на тонкие крылья. – Тебе угрожала опасность! Поэтому ты... эм... оуклился?

Почему-то мне казалось, что я не зря отказалась отдавать малыша большому дракону.

– А теперь иди сюда! – потянула я его к себе.

Положив малыша поверх книги, я попыталась заглянуть ему под хвостик. Но подлый хвост прикрыл все.

– Я кому сказала, – сердилась я, пытаясь отогнуть хвост. Я даже приготовила линейку, чтобы измерять расстояние между дырочками.

Меня типнули за палец и пыхнули в лицо едким дымом.

– Я просто посмотрю! Ничего отрезать не будем! – убеждала я. Но напрасно!

Меня хватали за похотливые пальцы, которые пытаются проникнуть в святая святых.

Сначала я чувствовала себя последним негодяем, совращающим юную чистую девственницу. А под конец – темным властелином, решившим сорвать первоцвет на мохнатой лужайке.

На полу валялась истерзанная котлета на половине носка. Бутерброды делал. Или делала! Тут пока не ясно. Ай! Вот кусака!

Меня снова укусили. И гневно пыхнули в мою сторону.

У-у-у! Какой темпераментный!

Ладно, трусы порвал!

Но носок? Я пошевелила пальцем в дырке.

Чем ему помешал мой синий носок?

Ума не приложу!

Внезапно по всей Академии пронеслось сообщение.

– Уважаемые студенты и преподаватели! Через десять минут вас ждут в главном зале.

Явка обязательна! – коротко произнес голос ректора.

Голос у ректора был странным. Каким-то непривычным. Это раньше он был уверенным и немного строгим. А сейчас он едва ли не дрожал.

Что же могло произойти?

Глава вторая. В которой явилась инквизиция, и уборщица попросила прибавку к зарплате

Мои скромные познания в области воспитания дракона ограничивались: «Вау! Дракон!». Зато я прекрасно знала тысячу и один теоретический способ его уничтожения.

Познания Фуфлыжника о мире ограничивались моей комнатой и сумкой. Мне бы очень не хотелось, чтобы однажды он высунулся в коридор. И с квадратными глазами восхищения: «Ух ты ж! Сколько тут всего не еденного, не грызенного и не сломанного!» пополз познавать мир.

Пока что он довольствовался тиранией носков и трусов. А еще его интриговали книги. Но допрыгнуть он пока не мог.

– Все, сиди тихо! – прошептала я, осторожно закрывая дверь. Потом я вспомнила, что нужно поставить заклинание, поглощающее звук, и защитный купол на учебники.

Закрывая двери второй раз, я почувствовала что-то странное. Какое-то невнятное, непонятное ощущение заставило меня нахмуриться.

– Всех ждем в главном зале! – повторил голос ректора.

Из комнат вытекали студенты. Я слилась с единым потоком синих форм с золотым гербом.

Академия почти восстановилась. Кое-где еще зарастали раны трещин, латались дыры, чинились портреты и статуи. И если бы не эти мелочи, то я бы никогда не подумала, что здесь был дракон.

– Башне кранты! – заметил кто-то из входящих вместе со мной. – Думаешь, уроки отменят?

– Сейчас все узнаем! – затерялся голос в шумном обсуждении драконьего визита.

Я встала рядом с Ионом. Он украдкой взял меня за руку, перебирая мои пальцы. От этой скрытой нежности у меня чуть-чуть потеплело на душе. Я обожаю эти тайные знаки симпатии. И терпеть не могу показушной демонстративности.

– Кого ждем? – спросила я шепотом. Глазами я уже посчитала, что все в сборе. – Шишку из министерства?

О том, что мы очень рады кого-то видеть, свидетельствовали огромные золотые буквы: «Добро пожаловать!». Они переливались прямо напротив входа. Зал блестел, как яйца дракона. Поверьте, мне есть с чем сравнивать. Вокруг все было до тошноты официально и нарядно.

– Этой гирлянде уже почти тысячу лет, – прошептал на ухо Ион. – Короче, у нас на третьем курсе девчонка одна. Симпатичная. Она почему-то решила, что эта гирлянда...

Сверкающая гирлянда из фей огромной лианой опоясывала все стены.

– Ах, значит, мы на симпатичных третьекурсниц заглядываемся? – ревниво спросила я, так и не дослушав.

Уже не первый раз я ловлю себя на том, что не ревную его по-настоящему.

Как ревнуют чародейки, может рассказать Титус Сэммираль. Ранее – мачо, ловелас и тот, кто влетает в женскую раздевалку: «Кто хочет полетать на моей метле!». Ныне – тихий заика с вечно перепуганными глазами и беспросветной шторкой челки. Судя по сплетням, там написана точная длина. В сантиметрах. Одной цифрой. Подарок от бывшей. Прошло уже два года, но заклинание не выветрилось.

Так что ревновать магички умеют. И напоить тебя зельем, от которой тебя «размандрагорит» по ближайшим кустам, обычное дело.

– Ты меня ревнуешь? – удивился Ион. – Да ладно тебе! Я просто сказал, что она симпатичная. Вот и все.

Чувство тревоги не покидало меня. Оно, наоборот, усиливалось с каждой секундой. Пока среди гула студенческих голосов я не уловила одно слово.

ИНКВИЗИЦИЯ.

В этот момент сердце рухнуло вниз. В теле появилась слабость.

– Что инквизиция забыла в Академии? – прошуршали испуганные голоса. – Академия как бы сама по себе! Инквизиция не имеет права находиться на территории Академии!

Каждое слово убивало меня, но я делала вид, что все в порядке. Ион что-то рассказывал. Но я слышала лишь свой собственный голос: «Спокойствие! Еще ничего страшного не случилось!».

Ректор вышел и прокашлялся. Он был в нарядной мантии. Хор студентов стоял наготове. Они готовы были накинуться на уши первому, кто войдет в зал. И хищно готовились к акустическому прыжку.

Меня тоже приглашали петь в хоре. На третьем курсе. Когда на меня из темного тренировочного подземелья выпрыгнул сумрачный прыгун, все решили, что у меня отличное сопрано. Громкое! Потом я узнала, что не просто орала. А твердо держала ля второй октавы! Эта информация должна была меня обрадовать.

Уговаривали меня долго. Брали измором. Но я искала дракона, чтобы отдал мне ухо. Или хорошую лопату, чтобы зарыть талант в землю. Так мы познакомились с Ионом. Он тоже сбежал с репетиции.

Несмотря на постоянные репетиции, хор пел так, что оркидохнут, троллиглохнут. Даже ректор поворачивался к ним ухом, которое не слышит. Если бы дракон прилетел в разгар репетиции, то упал быдохлым на подлете. От разрыва сердца. И мы бы растащили его на ингредиенты.

– Последний инцидент подверг опасности жизни и здоровье учеников и преподавателей, – начал старенький ректор, сложив руки в рукава. – Мы понимаем, что своими силами мы не можем. Поэтому обратились к Инквизиции. Для расследования мы пригласили...

Договорить ректор не успел. В тишине послышались шаги. Кто-то шел по коридору. Хор готовился.

Я глотала воздух, успокаивая себя тем, что в Инквизиции работают разные маги. И не факт, что нам прислали профессионала. Я мысленно представила мрачную рожу – кирпичом, черный рваный плащ, боевые шрамы по всей поверхности мага, гремящие доспехи. И суровый взгляд. Возможно, даже одним уцелевшим глазом.

Именно такой инквизитор был нарисован на плакате в нашей аудитории. Оставшиеся три пальца творили грозное заклинание. Вид у него был такой, словно инквизитор прошел через весь пищеварительный цикл дракона, вылез сзади, чтобы нанести предательский удар в спину ничего не подозревающего противника.

Я стояла и слушала. Либо это мое сердце так стучит. Либо сюда действительно кто-то идет. Причем неспешно. Словно прогуливаясь.

Двери открылись. И появился силуэт.

Походка была очень самоуверенной и грациозной. Словно говорила: «Так, что у нас произошло! У меня мало времени!».

– Добро пожаловать в Академию! – поздоровался ректор, хлопоча, как хозяйка при виде гостя.

Гость прошел мимо ректора. Словно он для него – пустое место. Ректор умолк. А гость скинул белый плащ и изящно повесил его на руку.

Я удивленно нахмурилась. Это был брюнет с идеальной осанкой. Белоснежный элегантный сюртук с серебряными пуговицами облегал худощавую фигуру. Он был растегнут на все пуговицы. И обнажал, словно секрет, дорогую черную рубашку в черный жилет.

Черные штаны были заправлены в дорогие сапоги с серебристой отделкой. В его руках были перчатки и жезл-трость с набалдашником в виде прозрачного камня. Такие выдают всем инквизиторам. Но без драгоценных камней.

Я удивленно подняла брови. Я представляла себе инквизиторов немного по-другому. На уроках нас учили запоминать детали, чтобы точно сказать, кто перед нами. Сам человек. Или нечисть, принявшая его облик.

Возраст гостя танцевал вокруг солидной цифры сорок. И махал хвостиком. Он был старше меня в два раза. И это пугало.

Чётко очерченные скулы, разлёт чёрных бровей и виски с лёгкой проседью – тысячи мелких деталей собирались в единый портрет. Если бы я встретила его на улице, не догадалась, что это – Инквизитор.

Слишком холёный, слишком элегантный, слишком... Короче, всё слишком!

Инквизитор поднял на нас томный, непроницаемый взгляд. А потом бегло осмотрел Академию.

Я тоже подняла глаза, чтобы понять, что он там увидел. А потом опустила. На его губах скользнула тень ироничной задумчивой улыбки. На впалой щеке появилась и тут же спряталась черточка ямочки.

– Глава Инквизиции, Терренс Виарти, – послышался неуместный голос ректора. – Прибыл лично для расследования происшествия.

Всё! Выносите меня! Лично! Глава Инквизиции!

Мои колени дрогнули.

– Если честно, то я не верю в то, что кто-то из студентов и преподавателей замешан в этом деле! – выдал ректор почти уверенным голосом. И посмотрел на всех нас. – Поэтому попрошу не нервничать. Суший пустяк! Просто маленькая проверка...

«Суший пустяк» – это сейчас про меня! Г-г-глава Инквизиции!

– Для которой прибыл глава Инквизиции. Лично, – тихо заметил Инквизитор. Он приятно улыбнулся.

– Ну что, детки-конфетки. Поздравляю. Вы доигрались до инквизиции, – прозвучал в тишине голос с бархатными нотками.

Сердце почему-то ёкнуло в тот момент, когда снова появилась тонкая черта ямочки.

Оно испуганно колотилось. Подпрыгивало в груди. И пыталось куда-то убежать. «Тише, мы выпустим дракона в лес! Сейчас это закончится, и мы...», – утешала я сердечко.

– Перекрыть все выходы и входы, – заметил Инквизитор.

– Хорошо! Мы обязательно перекроем! – кивал ректор, стоя чуть позади гостя.

– Не хорошо, – спокойно заметил гость. И тут же страшным голосом добавил. – А немедленно!

Ректор кивнул преподавателям. Те бросились из зала.

– Магические ключи передать мне, – к ректору развернулась ладонь. – Живо!

Преподаватели по кивку ректора принесли магические печати.

Я незаметно попыталась сделать глубокий вдох. В этот момент мне в нос ударил запах сладкой горечи чужого парфюма. Капелька сладкого нектара и капелька горького яда.

Аромат предательски обволакивал. Обступал со всех сторон. Казалось, весь зал пропах им.

Я снова затаила дыхание. Блузка прилипла к телу. «Я разрушу твою жизнь...», – зловеще шептал яд в воздухе. «Но нежно!», – сладко вздыхала сладость.

Они смешивались в опасном соблазнительном шёпоте. Который окружал меня.

«Ужасные духи!», – мысленно прошептала я, скрипнув зубами.

Но тут же, неожиданно для себя, сделала глубокий вдох. Опьяняющий аромат едва ли не заставил меня закрыть глаза. «Прекрати!», – шипела я на себя. И тут же взяла себя в руки. Либо я держу себя в руках. Либо меня в руках держит инквизиция!

– У нас также готовят инквизиторов! – оправдывался нервный ректор. – Инквизиторы! Сюда, пожалуйста!

Рука Иона, которая держала мою предательски потную ладошку, разжалась. А моя разжиматься не хотела. «Держи меня! Не пускай!», – беззвучно умоляла я, но потом посмотрела на ректора и встала во втором ряду.

Сердце обрушилось гулкими ударами.

– Ангелиза, в первый ряд, пожалуйста! Как одна из лучших студенток! – ректор пригласил меня на центральное место.

На ватных ногах я сделала шаг вперед.

– Многоуважаемый Терренс, – начал ректор, расставляя нас по мере успеваемости. – Познакомьтесь! Это будущие инквизиторы! А это...

Ректор обернулся. Его рука застыла, указывая на меня. Инквизитора позади него не было. Зато белый плащ уже исчезал за дверью. Он оставил после себя шлейф. А я сделала еще один предательский вдох.

– Можете расходиться! Занятия никто не отменял! Расписание вывесим через два часа. Там же укажем новые аудитории! – слышался голос ректора среди обсуждения произошедшего.

Мы выходили из зала. Инквизитор стоял возле окна. Он облокотился на подоконник и что-то высматривал.

– Я же говорил, – усмехнулся Ион. – Драконы просто так не прилетают! Короче, у какого-то идиота огромные неприятности. Отец сказал, что Инквизитор подозревает, что кто-то призвал дракона при помощи артефакта. Что с тобой?

– Да так, – я посмотрела умоляющим взглядом на Иона. – Просто что-то голова закружилась...

– Ты уже минуты две смотришь на него, – заметил Ион.

Что? Я? Когда? Неужели все это время я смотрела на белую фигуру в оконном проеме?

– Я просто прикидывала, – уверенно врала я. – Как устроиться на работу в Инквизицию. Думала, может, подойти к нему и... попроситься? Когда все закончится? Сколько там осталось учиться? Три месяца? А работу искать надо... Попасть в Инквизицию – это круто!

– Я бы не хотел, чтобы ты туда шла, – мрачно бросил Ион. Он заслонил собой белый сюртук. – Я лучше поговорю с отцом. Может, вакансия преподавателя останется? И мы будем преподавать в Академии?

«Обыск», – послышался голос. Я четко вычленила это слово. – «Начнем с аудиторий. Закончим личными комнатами!».

– Ну всё, пока, – я встала на цыпочки и поцеловала Иона в бледную щеку.

Стоило мне обернуться, как я чуть не осела. Инквизитор стоял рядом с ректором и смотрел на меня. Пристально, с легкой улыбкой.

Глава третья. В которой я прятала дракона и откладывала кирпичи

Я шла по коридору. Нет! Я почти бежала! Мне все еще чудился взгляд, который провожал меня. Щеки пылали. Я ничего не видела перед собой, натываясь на студентов. И даже разок на преподавателя.

Старческий голос сообщил мне, что если я еще раз так наткнусь, то уйду в декрет!

– Извините! – икнула я, не глядя.

Я не из тех, кто откладывает дела на потом. Откладывать на потом я могу только кирпичи!

– Быстрее, – цедила я, вламываясь в свою комнату.

В комнате царил бардак. Как будто армия злобных орков пронеслась по моей скромной жилплощади. Словно я сдавала комнату всадникам апокалипсиса для генеральной репетиции конца света.

Шкаф распахнул створки. Как руки для обнимашек. Из щели вывалилось все, что только можно. Включая зеленую кофту, которую я никогда не надевала.

Подушка валялась на полу. Ее немного жевали. И чуть-чуть грызли.

Хозяйственный Фуфлыжник пытался свить себе гнездо из простыней и одеяла. Но потом передумал. И теперь сдает гнездо на полу в аренду упавшим учебникам.

Стул, увидев весь беспорядок, просто упал в обморок. И лежал ножками вверх.

– Уф-уф-уф! – терзал носок маленький чешуйчатый гад.

Воинственно раскинув крылья, он сражался не на жизнь, а на смерть. А то распустились тут всякие носки! Нитки уже по всей комнате!

Носок был повержен. Фуфлыжник полез штурмовать гору вещей. Под аплодисменты моего дергающегося глаза. Чтобы лучше осмотреть масштабы разрушений. «Какой я прикольный!», – пыхнул он, гордясь собой неимоверно.

Чешуйчатый веник успел поприсутствовать везде. Как элементарная частица или магическая энергия. Казалось, не было в комнате места, куда не ступали кривые когтистые лапки хозяйской походкой: «И что тут у нас?».

Запах стоял специфический. Я принялась. Где-то лежал душистый подарок. Заботливо спрятанный из чувства врожденной скромности. Возможно, даже зарытый в вещах самым чистоплотным драконом на свете.

Единственным нетронутым местом был... лоток из коробки. Он смотрел на меня, как брошенная девушка. И оправдывался: «Я не виновата!».

Носок подозрительно намокал. Я поймала себя на мысли, что проще сдаться с повинной. Чем прибираться в комнате.

– Не-не-не! Это не мое! – как бы намекал Фуфлыжник всем видом, пока я сдирала мокрый носок. – Даже не показывайте! Фу! Уберите от меня это!

– Это не я! Точно-точно не я!», – убеждали глазки. Просто приходил злой дядя. Это он съел твои трусы. Прикинь? И не подавился! Дядя только трусами и питается! И носками закусывает! Это дядя пьет воду из туалета. Злой дядя вообще пьющий очень. Но по праздникам. Поэтому у злого дяди каждый день – праздник! У злого дяди есть хобби. Он разматывает туалетную бумагу. Жует ее и рвет на маленькие бумажки. Увеселения ради. И тиранит конспекты. А напоследок дядя обиделся и сделал кучу прямо в центре комнаты. Вот такой обидчивый дядя! Фу, таким быть!

Пока я пыталась кое-как затолкать груды вещей в шкаф, любитель острых предметов и ощущений стащил мое перо.

Я взяла тапочек с помпоном и стала красться в сторону будущего писателя. Фуфлыжник увлеченно проверял на прочность производное чьей-то задницы. И тут же получил легонько тапкой под хвост.

Хлоп!

– Кто это сделал? – фальшиво удивилась я, глядя по сторонам. На меня с непониманием смотрели янтарные глазки.

Тапок прятался за спиной. И даже не думал выглядывать.

– Давай-ка мы поищем его! – фальшиво заметила я, приставив руку ко лбу козырьком. – О! Это злой и страшный тапок! Ужасная личность! Любит бить по попе дракончиков, которые плохо себя ведут! Тапок видит, кто лазит по столам, и тут же делает «по попе!».

В глазах дракончика читался ужас. До этого самого момента он был уверен, что он – высшее звено цепи питания. Царь природы. Венец кровожадной эволюции. И охотиться на него могут только очень вкусные маги.

Но сейчас мир разделился на «до» и «по попе здрасте!».

– Ну да, сначала перо, потом носки, потом конспекты! А дальше замки, войско магов и ближайшие города? – вздохнула я, пытаюсь отмыть заклинанием стены.

Я заталкивала вещи обратно в шкаф. Пока что я разгонялась и вбивала с ноги ком вещей поглубже. Один раз моя нога застряла. Я показала чудеса акробатики и вытащила ее.

Шкаф был закрыт заклинанием и трещал по швам. Сейчас он напоминал хомяка с набитыми щеками.

Я нервно наматывала круги по комнате. Нужно придумать, куда спрятать Фуфлыжника.

Устав, я легла на кровать. Сердце бешено стучало. Мысли вертелись каруселью. Я перебирала варианты, а маленькие когти перебирали мою одежду. Меня тихо накрывала душным липким одеялом паника.

Очнулась я, когда перед носом открылась пасть и цапнула меня за кончик носа.

– Фуф! – выдал народный целитель.

– Фу! – отвернулась я от раскрытой пасти. У меня глаза заслезились от запаха.

Я перевела взгляд на потолок и ... тут же вскочила на ноги. Через минуту я осторожно снимала доски заклинанием. На кровати качался стул. Моя голова высунулась в темноту чердака.

– Здесь есть кто? – спросила я, рассматривая темный чердачок.

Яркий светлячок пронесся в темноте, очерчивая горы голубиных какашек, упавшей черепицы и прогнивших досок.

– Полезай! – заталкивала я на чердак чешуйчатую попу.

– Фффф! – выдал недовольный Фуфлыжник.

Он пытался лапками снять тесемочку с морды.

«Я тебе припомню!», – зловеще сверкнули в темноте янтарные глаза.

– Сиди тихо! – прошептала я, задвигая доски обратно.

Руки тряслись, ноги шатались. Я спрыгнула вниз, отряхиваясь и снимая с кровати стул.

На двери, на шкафу и на столе красовались следы от когтей. Кое-где виднелись черные подпалины пробных чихов.

– Так, – закусил я губу.

Мои руки схватили книги, перебирая их и раскладывая по столу. Страницы шуршали, пока я нервно качала ногой. Только я собиралась почесать нос о плечо, как остановилась. И принюхалась.

Моя блузка насквозь пропиталась чужим запахом.

Я оттянула ворот и спрятала в него нос. Дурманивший, околдовывающий аромат был едва заметен. Но я чувствовала каждую его нотку.

– Не отвлекайся! – прошептала я, возвращая себя в книгу. Мне нужно найти что-то похожее на дракона. Но не дракона! Чтобы на него свалить все подпалины и следы когтей!

Вообще-то держать магическое животное в комнате нельзя, но по сравнению с драконом – это меньшее зло! Максимум – оставят после уроков. А животное – отберут. Так что главное – продержаться до обыска и обыск!

– Сильф, хекат, бонакон. О! Грифон! – прочитала я, слегка сомневаясь в своем выборе.

С гравюры на меня смотрел потенциальный временный «новый питомец». Смотрел хищным и соколиным глазом: «Корми меня руками и ногами! А еще я люблю печень!».

– А я не люблю. Особенно жареную в кляре, – пожалела я бедняжку.

Он как бы умолял, выставив огромные когти: «Возьми меня, вкусная девушка!».

Но я была неумолима.

– Не переживай, тебя заберут с руками и ногами, – утешила я чудовище.

Время поджимало. Как будто оно поселилось нервным комом в горле.

Со следующей страницы на меня взглянула жуткая мантикора. Из ее пасти обильно капала слюна.

– Не люблю лужи на полу, – дрожащей рукой перелистнула страничку.

Здесь была огненная саламандра. Со взглядом: «Хочу твою руку и сердце! Если распробую – доем остальное!».

В коридоре слышались шаги и голоса. В комнатах уже начался обыск. Скоро дойдут до меня!

– Эвелина Дуарте! – слышался строгий голос ректора. – Открывайте двери!

Еще три комнаты! Мамочки! Ком в горле не проглатывался. Руки тряслись. Я боялась накосячить.

Старое кольцо с чешуей саламандры полетело в круг призыва. Я читала заклинания страстным шепотом. Словно признаюсь в любви. Магии. Трясущаяся рука меняла символы местами.

Пышь! По комнате растекался едкий запах горелых волос.

Я опрокинулась на попу. На меня в упор смотрела огромная плотоядная ящерица. Размером с половину письменного стола. Она была черной. С красными всполохами тлеющих углей. От нее шел жар, как от заклинания огня.

В комнате завоняло так, что глаза заслезились.

Утешало лишь одно. Из ящерицы торчали чьи-то копыта. Она с усилием проглотила их. И стала очень толстенькой ящеркой. «Извините! Мне так неловко!», – как бы извинялась она. – «К еде со своей едой приходите!».

Всем видом саламандра намекала, что мне сказочно повезло! Вызывала одного «любимца», а пришло сразу два в одном!

– Там же было сказано, что она – маленькая! – запаниковала я, листая книгу.

«Ага!», – посмотрела на меня «басом» огромная тварь. – «Вкусненько тут у вас! Пожалуй, останусь!».

Ее взгляд прижал меня к стенке. Вот она, магия голодных глаз!

До встречи с саламандрой я иногда чувствовала себя неоцененной девушкой. Сейчас меня оценили по достоинству. Комнату тоже. По сравнению с кипучей лавой и унылой голодной пустошью, это был царский подарок судьбы. По глазам было видно, что саламандре тут очень нравится. Вокруг вкусно пахло мной!

Я опасливо отошла подальше. На всякий случай. В комнате нестерпимо воняло горелыми перьями. На одеяле остался ожог от саламандры. Они раскаленные, если что.

«Куда ты пошла, о вкусная девочка?», – спрашивал меня новый домашний нелюбимец.

Саламандра скрепила неприязнь легкой отрыжкой. Она переваривала горного козла. Я – полученную информацию.

– Ангелиза Дэй! – послышался стук в дверь. – Откройте!

Я вздрогнула.

За дверью слышался голос ректора: «Ангелиза у нас – инквизитор! Образцовая ученица! Я уверен, что это не она!».

– Сиди тихо, – немножко приказала я, глядя на ленивую ящерицу в половину комнаты.

«Да я и не собираюсь жрать тебя громко!», – удивилась саламандра. И поползла под стол. Потом под кровать. Вместе со столом. И стулом.

– Одну минутку, – сипловато произнесла я.

Главное – сохранять спокойствие! «И не поворачиваться к ней спиной!», – шептали нижние чакры, холодея от присутствия «домашнего любимца».

Дрожащая рука сняла заклинание. Первое, что ударило мне в нос, так это тот самый запах духов. Я вдохнула его слишком много, поэтому у меня закружилась голова.

– Добрый вечер, – послышался безупречно вежливый голос. Я попыталась поднять глаза, но дальше легкой улыбки и ямочки не смогла. Ректор медленно осел на руки преподавателей.

– У меня тут не убрано, – скромно пролепетала я.

– Я вижу, что у вас живет домашний любимец? – заметил Инквизитор.

У меня такое чувство, что вокруг него вертится воронка. И меня только что втащило в нее до головокружения.

– Да, – нашлась я, все еще избегая взгляда.

Моя рука указала на уголок. В котором лежал мой старый свитер – подстилка. Стояла мисочка размером с кружку. И две маленькие коробочки. Для спанья и сранья.

– Вижу, что ей очень удобно, – послышался голос Инквизитора. Он концом трости – жезла поддел маленькую коробочку. В такой коробочке мог поместиться только котенок.

«Да-да, это мое!» – посмотрела саламандра. – «Все мое!»

– Главное, что с размером вы стопроцентно угадали, – мягко и как-то больно дружелюбно продолжал голос. Меня кольнули маленькой иголочкой насмешки.

– Ыыыып! – сыто рыгнула Саламандра, как бы соглашаясь с моим глазомером.

Флер дурманящих духов окутывал меня с ног до головы. Жезл стучал по каменному полу моей комнаты. Сердце стучало с ним наперегонки.

– В Академии, да будет вам известно, запрещено держать магических существ! – выдал ректор.

Он был очень разочарован. Настолько, что решил протереть сначала очки. А после того, как это не помогло – глаза.

– Ну зачем вы так сурово к девочке? – обернулся Инквизитор. Его голос был тих и безукоризненно вежлив. – Она никого не держит. Саламандра может ползти на все четыре стороны. Не так ли, Ангелиза? Ей никто ничего не запрещает.

Этот прием я знала наизусть. И даже сдавала на «психологии выявления». Он пытается расположить меня к себе. А вдруг я разоткровенничаюсь и что-нибудь интересное скажу?

– Да, но правила Академии... – начал ректор.

От меня такого точно не ожидали. Настолько, что обязательно припомнят.

– Разрешите, я загляну? – негромко спросил глава инквизиции.

Кончик жезла указал на шкаф. Говорил он мягко, без нажима. Словно просто по-дружески интересовался.

– Лучше не надо, – вздохнула я. И тут же отошла на безопасное расстояние от шкафа и саламандры.

– Не переживайте, – я не увидела, но почувствовала его взгляд. – Если там есть что-то нехорошее, мы обязательно найдем. Мало ли, вдруг вам что-нибудь подкинули? Вы же не исключаете такой возможности?

Шкаф открылся. Оттуда на инквизитора вывалилось все. Мои трусы повисли у него на плече. А старый свитер обнял за руку: «Скажи ей, что я не колючий! Скажи ей, умоляю!».

– И правда, бедной девочке и надеть-то нечего, – в голосе слышалась мягкая насмешка.

Инквизитор стряхнул с себя мое белье, кончиком трости сдвинул лифчик в сторону. И осторожно сбросил с себя мой свитер.

Аккуратно сложив его заклинанием, инквизитор водрузил его на кучу тряпок.

– Как не стыдно. Вы же девушка! – послышался его голос. Вещи по одной ныряли в шкаф. И укладывались ровными стопками на полки. – А если бы я не пришел, кто бы прибрался?

Я осмелилась поднять глаза, чтобы увидеть улыбку.

Это тихое вежливое издевательство заставляло меня напрячься еще сильнее. Трость подняла мой матрас.

– Надеюсь, там нет никаких секретов? – спросил вкрадчивый голос.

Саламандра икала. Одновременно она пыталась почесать голову задней лапой. Но у нее не получалось. Козел мешал.

– От инквизиции, а не от подружек, – голос словно окутывал меня.

Такое чувство, словно меня медленно заворачивают в кокон из духов, блеска золотых застёжек и насечек на жезле, мягкого голоса с бархатцей и вежливой улыбки.

Матрас обнажил книги про драконов, о которых я совсем забыла.

– Как интересно, – заметил глава инквизиции. – Разрешите, я присяду на кровать?

– Да, конечно, – ответила я, стараясь не показывать волнения.

В его руках была старинная книга «Как приручить дракона». Мне хотелось кричать: «Это не мое! Мне ее подбросили! В библиотеке! Я заказывала любовный роман с откровенными сценами, а мне вручили учебник по драконам! Шесть штук!».

– Присядьте рядом, – предложил тихий голос сквозь звон в ушах. Я послушно присела на другом конце кровати.

– Если вам не трудно, не могли бы присесть ближе? – слышался голос. Такое чувство, словно у меня в голове шумит море. И все слова долетают до меня сквозь гул.

– Хорошо, – кивнула я, сдвинувшись буквально на миллиметр.

– Вы меня боитесь? – удивился Инквизитор. Я смотрела на его руки, на черные складки штанов, на сверкающий камень трости – жезла и спрашивала себя: «Что он только что сказал?».

Мозги, которые обещали работать исправно до старческого маразма и склероза, решили уйти на каникулы. И просто не работали. Изредка в них появлялись странные неуместные мысли. Например, что будет, если прочитать заклинание задом наперед? Или что получится, если скрестить мантикору с грифоном? И контрольный вопрос! Как заставить их скрещиваться?

– Вы, как я вижу, интересуетесь драконами? – послышался голос совсем близко. – Расскажите, вы ничего не знаете про дракона, который разрушил Академию?

– Нет, я с ним лично не знакома, – ответила я, пытаясь привести себя в чувство. – Извините.

– Зачем вам столько книг про драконов? – снова поинтересовался голос. Преподаватели перебирали мои вещи, лазили по тумбочкам и шуршали в ванной.

– Я пишу научную работу, – спокойно ответила я.

Его рука лежала поверх книги. Внутри меня все колотило панику, орало, верещало и бегало туда-сюда! Но внешне я оставалась спокойной.

– Про драконов, – добавила я, пытаясь не показывать страх.

– Я так понимаю, что недавно вам несказанно повезло? – с усмешкой спросил Инквизитор, листая книгу. – К вам прилетала ваша практическая часть?

– Можно сказать и так, – спокойно ответила я.

– А саламандра вам зачем? – поинтересовался вкрадчивый голос. Он был так близко, что мысли трусливо разбежались. Да, плохой из меня инквизитор. Никудышный!

– Они немного похожи на драконов. Я хотела исследовать сначала ее, – спокойно ответила я. О, если бы вы знали, чего мне стоило это спокойствие!

– Следы от когтей какие-то маленькие, – послышался голос преподавателей. Они рассматривали мой шкаф. Потом разглядывали саламандру.

– Она немного подросла, – просто ответила я.

И для убедительности пожала плечами.

– А что едят саламандры? – внезапно спросил Инквизитор. И тут я поняла, что попалась.

– Козлов, – ответила я, глядя на ящерку.

– А людей они не едят? – загонял меня в угол Инквизитор всё тем же вкрадчивым тоном.

– Нет, что вы! – возразила я, прикидывая срок за то, что подвергла опасности жизни людей. – Она у меня очень домашняя. И еще никому не причинила вреда.

Ящерица кралась к сидящему на полу Мадам Гадизель. Старикашка еще не подозревал, что смерть капает слюной за его спиной. И разевает пасть.

Трость уперлась Саламандре в хвост, не давая ей сделать обеденный рывок.

– Дорогая, слышала? Ты козлов ешь! – заметил Инквизитор с улыбкой, глядя на огненную ящерицу.

– Ничего удивительного, – доверительным шепотом ответила я. – Он поставил мне тройку за гадание на суженого. Так что она не ошиблась.

– Нет, под плинтусом ничего не нашел! – невозмутимо ответил Мадам Гадизель, отряхивая мантию и бороду.

– И как же зовут это маленькое чудо? – послышался вопрос.

Инквизитор просто загоняет меня в тупик. Это такой прием, которым пользуются дознаватели. Казалось бы, невинные вопросы, которые плавно ведут в ловушку. Выводят на чистую воду.

Как могут звать огромную огненную ящерицу?

– Уголек, – выдала я, осторожно обходя ловушку.

– Уголек, иди сюда, – позвал Инквизитор.

Ящерице было хоть бы хны. Мы с ней были знакомы минут сорок от силы.

– Странно, но она не отзывается, – в голосе звучали ноты разочарования.

– Вы просто неправильно ее зовете, – ответила я, сохраняя спокойствие. – Уголечек, солнышко... ЖРААААТЬ!!!

В этот момент зазвенели окна. Дрогнули все, кто был в комнате. И, видимо, в башне. Если кто и был в этот момент в туалете, то дела пошли в сто раз быстрее! Считаю, моментально отстрелялся.

Зато ящерица посмотрела на меня.

– Вот, кхе-кхе, видите? – прокашлялась я. Горло драло беспощадно. – Извините, что крикнула. Она по-другому не понимает.

– Прелесть какая, – заметил Инквизитор, отдавая мне учебник. – Думаю, что ящерку мы заберем. У нее здесь не самая здоровая атмосфера. На нее постоянно кричат, что не есть хорошо. Она очень страдает.

– Ничего не нашли! – послышались голоса преподавателей.

«Не вздумай выдыхать! Рано еще!», – предупредила себя я. Но немного расслабилась.

– Я вот думаю сделать доброе дело. Раз уж я тоже как бы... инквизитор, – послышалась маленькая колкая издевка. Словно в бархате попалась острая булавка.

– Так вот, я могу стать вашим научным руководителем, – продолжал голос, от которого у меня блузка прилипла к спине. – И сейчас у меня выпало свободное время. Дайте-ка вашу научную работу, чтобы я ознакомился с ней. Буду премного благодарен.

– Я принесу вам ее, когда исправлю ошибки и разложу постранично, – ответила я. Никакой научной работы у меня не было и в помине!

– То есть сейчас вы мне ее не можете дать? – заметил Инквизитор.

А я впервые осмелилась поднять глаза на него, чтобы тут же их опустить. Что со мной? Почему я не могу смотреть ему в глаза? Я раньше за собой такого не замечала!

– Я передам вам ее в ближайшее время, – кротко ответила я. – Она еще не оформлена. Просто черновики.

– Ну хорошо, – смиростивился Инквизитор. – Только не забудьте! Завтра утром, чтобы она лежала у меня на столе.

Преподаватели вытаскивали из комнаты саламандру. Саламандра никуда не хотела уходить. Но потом высунулась в коридор и увидела, что меню мною не ограничивается. И согласилась сменить место жительства. И место "жрательства".

– Всего хорошего. Извините за беспокойство, – медленно произнес Инквизитор.

Как вдруг по потолку кто-то пробежал. Я даже знала, кто. «Тыдымс-тыдымс-тыдымс!».

Нам на головы посыпались струйки пыли. Распутался? Я же его как бы прочно заматывала!

– Как интересно. А я уже собирался уходить, – остановился в дверях Инквизитор. – Что же это такое?

– Это голуби, – спокойно пожала плечами я. – Жизни не дают!

"Бух!" – послышалось с потолка.

Глава четвертая. В которой меня ждала страстная и бессонная ночь

Случаются ситуации, когда все идет слишком хорошо. А потом «бамс!». И всё. Это примерно то же самое, когда посреди свидания у тебя рвутся волшебные колготки. Несмотря на пожизненную гарантию производителя и зуб создателя. Который прилагается к каждому обещанию.

– Это голуби, – повторила я для особо непонятливых, подняв голову. – Просто слышимость хорошая. Я привыкла.

Внутри меня все бегало кругами и орало: «Мы пропали!». Я понюхала одежду. Нет, вроде бы не пропали.

– Бух-бух-бух! – донеслось с потолка. Такое чувство, словно кто-то бросался увесистыми кирпичами.

Все подняли головы наверх. Повисла тревожная пауза.

– Можете поздравить голубей с облегчением, – вздохнула я и спокойно направилась к столу.

Ректор медленно посмотрел на преподавателей. Преподаватели – на ректора. А потом все дружно перевели тревожные взгляды на инквизитора.

Если раньше «голубиный сморчок» считался денежной приметой. То сейчас никто не хотел стать богачом.

– Да... Такой голубь прицельным ударом памятнику голову снесет, – послышался тревожный шепот среди преподавателей. До этого дня они не задумывались, какая опасность пролетает у них над головами.

– Ой, да ладно! – невозмутимо ответила я, заправляя кровать. – Я уже привыкла.

Повисла решающая пауза. Если ничего сейчас не произойдет, то нам с Фуфлыжником – конец!

– Бубух! – послышался звук. Словно уронили стол. Слабонервные сделали шаг назад. И снова посмотрели на потолок.

Кто-то даже вслух пожалел, что дракон и голуби не встретились. Неизвестно, кто победил бы. Но очень интересно.

Я осторожно, пользуясь заминкой, бросила заклинание в пути огненной ящерицы. И тут же спрятала дрожащую руку в карман.

Саламандра почувствовала свободу. Но так и не поняла, зачем она нужна? Но, услышав гнусавый крик, она бросилась обратно в комнату. На ходу она испуганно воспламенялась, поджигая всё на своем пути.

На шкафу осталось художественное выжигание в виде черной полосы. Я вскочила, пытаюсь потушить одеяло.

– Ловите ее! – слышались голоса, пока я боролась с огнем.

Лучшим способом бороться с огнем был увесистый учебник. И капелька магии.

– Тушите меня! – взвизгнула миссис Винс. Она пыталась погасить горящую мантию заклинанием. Будет о чем рассказать кактусу!

– С луком или так тушить? – как бы спросила ящерица, пытаясь спрятаться у меня под кроватью.

Через пять минут возни беглянку уже конвоировали в коридор. Она тащилась неохотно. Особенно мордой по полу. Связанная магической веревкой, как колбаса.

Местами в комнате что-то тлело. Черные дымки тянулись вверх. Воняло горелым, как возле пожарища. Огромные дыры с обугленными краями зияли даже в старых занавесках. У меня был прожжен рукав и гольф.

Я поймала на себе взгляд инквизитора. От чего по коже пробежали предательские мурашки. «Я где-то прокололась?», – промелькнула мысль. И мне стало не по себе.

– Завтра останешься после уроков! – сурово произнес ректор. – В Академии строго запрещено иметь фамильяров, питомцев и...

Его взгляд упал на здоровенную ящерицу.

– И иметь саламандр! – закончил ректор строго и торжественно.

Даже брови сдвинул в знак неодобрения.

– Саламандра явно против того, чтобы ее имели, – задумчиво заметил Инквизитор, провожая глазами добычу.

Ящерица посмотрела на всех свирепо и злопамятно. Словно прикидывала, кому что откусит при первой же возможности.

– Кажется, мы ничего не нашли, – послышался голос за моей спиной.

Меня еще тихо подергивало от испуга и напряжения. Попробуйте сохранить самообладание в такой ситуации! Я на вас посмотрю.

Перед тем, как вернуться в комнату, я снова почувствовала взгляд.

Он неприятной змейкой пробежал по спине. И несколько раз обернулся вокруг нижних чакр.

Мне показалось, что холодок предвкушения, окутывающий нижние полушария, – это анестезия к будущим неприятностям.

«Он что-то заподозрил!», – прошила меня мысль, когда я закрывала двери.

Вытащив с чердака бессовестного Фуфлыжника, я... ничуть не успокоилась!

«Где я прокололась?», – нервничала я, остановившись в центре комнаты. «Он смотрел на меня очень странно!», – начинали трястись руки.

– Я что-то сделала не так, – расхаживала я по комнате. – Где могла быть ошибка?

Фуфлыжник невозмутимо таскал по полу подушку. Переживаниям он предпочитал пережевывание.

От накатывающей паники я места себе не находила.

– Он явно что-то заподозрил! – кусала губы я, вспоминая пристальный взгляд. – Не станет же он просто так на меня смотреть таким взглядом?

– Уф-уф-уф! – тащилась по полу подушка. Она была зверски побеждена. И покорена.

– Просто так ведь не смотрят так пристально? – прищурилась я на свое отражение.

Глаз дергался. Нервы сдавали. Колени были ватными. А руки не могли удержать вещи.

Я уже представила позорный суд, свое гордое молчание, вынесение приговора, магическую клетку и...

– А потом меня казнят!!! – сглотнула я, мысленно репетируя собственную казнь.

Ноги подкосились. Я решила присесть.

Рука рефлекторно скользнула вниз, чтобы поправить юбку.

Но... юбки сзади не было!

Я бросилась к зеркалу. Спереди юбка была. А вот сзади вместо юбки был... кокетливый обгоревший пояс. И виднелись розовые трусы с подгоревшим кружевом.

Точнее, они и раньше виднелись, но не полностью. Модель у них такая. Интровертная. Я бы даже сказала – стеснительная. «Считайте, что нас как бы нет!», – намекали они, стыдливо прячась между чакрами. Сразу видно, интроверты!

Догадка пришла неожиданно. Я еще раз посмотрела на юбку. Потом вспомнила задумчивый взгляд Инквизитора. Особенно когда я поворачивалась к нему спиной...

Я сидела перед зеркалом, прижав руки к щекам. Взгляд у меня был загадочный.

– Есть две новости, – пробормотала я, пытаюсь отдышаться от пережитого и придуманного. – Хорошая и плохая.

Я взяла паузу, поднимая брови.

– Хорошая новость. Единственное, в чем меня пока что подозревают, так это в том, что у меня симпатичная попа, – заметила я. – Есть и плохая новость!

Мой взгляд скользнул по учебникам и тетрадям.

– Мне завтра нести ему научную работу!

На часах была полночь. Глаза слипались, хоть спички вставляй. Я лениво перелистнула страницу учебника. Если еще четыре часа назад я была уверена, что напишу вполне неплохую научную работу. То сейчас в это слабо верилось.

– Среднестатистическому дракону требуется около тонны еды в неделю. Главное приметой... ой, приметой! Ладно, исправим, – диктовала я себе.

Однажды я читала: «Он подарил ей бессонную ночь!». Что-то я подозреваю, что героиня любовного романа сидела и писала научную работу!

Перо вяло скребло по бумаге. Почерк был таким, словно я сижу на кровати, а позади меня занимаются любовью. И трясут ее, трясут, трясут.

Я зевала с таким ревом, что соседи передвинули кровати подальше от моей стенки. Я слышала. После саламандры от меня можно было ожидать всего, чего угодно.

На ноге качался Фуфлыжник. Он был крайне доволен. Вцепившись коготками в мою ногу, он обещал залезть выше. Если я перестану его развлекать.

– Среднестатистическому дракону, – перечитывала я, снова оглушительно зевая. Мутный взгляд посмотрел на открытое окно. Оно проветривало ненавистный запах духов.

– А он сейчас с-с-спит, с-с-сволочь, – сморщила я нос. – С-с-сладенько с-с-спит... А от кого-то...

Мой взгляд упал на Фуфлыжника, который балдел от новых качелей.

– Одни неприятности, – зевнула я, царапая дальше.

Фуфлыжник обиделся. Мол, от него не только неприятности. Но и проблемы, разрушения, головная боль. Так что приуменьшать значимость дракона в своей жизни никак нельзя! Иначе он обидится. И будет вести себя хорошо.

Я царапала буквы. Мне царапали ногу. Что-то вроде: «А что это мы такие вяленькие стали? Нога совсем не дрыгается? Не! Так дело не пойдет!».

– Ы-ы-ы-ы-ф-ф! – закончила я сладкий зевок. – Люди недолюбливают драконов... Вот интересно, почему же? А?

Фуфлыжник устал и переполз на подушку. Он никак не мог уснуть! Он ворочался, словно его кусала совесть.

Он немного поворочался и стал шуршать по комнате. Я старательно выводила каждое слово. Научная работа должна нести практическую ценность. Но пока что она несла бред. И следы насилия над учебниками.

– Драконы – дневные животные, – писала я, поглядывая на «дневное животное».

«Дневная животинка» решила устроить ночной «тыкдык». И пару дерзких налетов. Кроважидная натура требовала жертв, пламени и криков: «Спасайтесь! Дракон!».

Но вместо этого звучал шепот: «Тише, Фуфлыжник! Успокойся! Нас услышат! Ложись спать! Давай на подушку!».

Фуфлыжник смотрел на меня разочарованным взглядом.

Я усмехнулась. И на секунду представила. Огромная кроважидная тварь размером с корабль крушит все на своем пути. А следом бегу я с кастрюлькой, котлетой и криком: «Шапочку надень, уши застудишь!».

Пока что за неимением игрушечных замков, Фуфлыжник штурмовал мусорное ведро для бумаг.

«Ужас, летящий на крыльях ночи», шлепнулся на пол после неудачной попытки взлететь. Летали мы, как кирпич. Иногда, как оладушек.

Поэтому мы решили стать «ужасом, с топотом бегущим на кривых лапах ночи». Что тоже должно было произвести впечатление на врага.

– Трепещите все! – грозно имел в виду Фуфлыжник.

Фантики от конфет высыпались из перевернутого мусорного ведра. И трепетали от грозного топота.

«Бей, круши, ломай!», – топтались кривые ножки. Несколько самых красивых шуршащих золотинкой наложниц были украдены из мусорной семьи.

– Фуф!!! – послышалось гневное со стороны кровати.

Маленький узурпатор не мог взобраться на кровать. Во взгляде читалось: «Мама! Подсади меня и мой «гарем»»!

Я встала со стула, помогая ему забраться в пещеру из одеял. Потом ссыпала ему еще липкий гарем.

– Все, не мешай, – прошептала я, погружаясь в работу.

Маленький «ужас, сползающий с одеяла», разочаровался в гареме быстро. Вот такой он ловелас! И он побежал на поиски нового.

– Драконы являются потенциальной угрозой... – зевала я, заканчивая сорок восьмой лист. На пальце появилась мозоль. На первой строчке клякса.

Бух!

«Крушитель, ломатель и тиран» пытался отодрать золоченую ручку тумбочки.

– Ладно, – встала я, откладывая перо и писанину.

Я взяла с полки шкатулку с фенечками, открыла ее и...

– Ууууууууф! – глаза Фуфлыжника распахнулись. Он подавился от восхищения.

Волшебная бижутерия сверкала искусственными драгоценностями. И отражалась в округлившись глазах маленького казнокрада.

– Все мое! – сразу как бы обозначил Фуфлыжник, протягивая когтистые лапки к украшениям. – И это мое! И все мое!

Я достала кольцо, которое подарил мне Ион. С огромным зеленым камнем. И показала его дракончику.

Он сел на попу и... описался от переизбытка чувств.

Я высыпала в драконье гнездо сокровищницу. Маленькие загребушие лапки подгребали все под драконью попу. Жадненько так. «Уф-ты-фу!», – копошился Фуфлыжник, готовый описаться на любого, кто посягнет на его сокровища. И грозно пошипеть. В качестве акции устрашения.

Перо снова выводило кривые строчки. Зевок раздирал мне челюсть. В окошке уже засветилась малиновая полоса рассвета.

– И... эээ... Драконы... эээ... – зевала я, кое-как дописывая научный труд. – ...являются... Короче!

Я быстро дописала скромный вывод. И собрала стопку бумаг. Итого – семьдесят шесть листов. Я приоткрыла окно пошире, потушила магический огонек и упала на кровать.

– Фуф! – гневно посмердели на меня едким дымком, оберегая сокровищницу.

– Главное – не уснуть, – зевнула я.

Воспаленные глаза смотрели на дракона.

Он перебирал свои сокровища, пытаясь угнездиться на них. Пока что фавориткой была фантик от конфеты «Пук единорога». Блестящая, соблазнительная, съеденная наполовину, она плясала перед «властелином половины моей подушки» танец «сквозняка». И похотливо шуршала.

Стоило ей попытаться улететь, то есть сбежать, ее ловила кривая лапа с массивными когтями.

– Ангелиза Дей! – послышался громкий голос.

А? Что? Где? Как? Я что? Уже на паре? Как я здесь очутилась? Ааа... Вспомнила!

Я оторвала голову с парты, сонно глядя на целителя. Не помню, как доползла до первого кабинета. Помню только: «Тема сегодняшней лекции – противоядия от яда мантикоры».

Для себя я уже решила, что мантикора – тварь редкостная и редкая. Шансы встретить ее в дикой природе минимальны. Поэтому в случае чего одной рукой буду прикладывать подорожник, а второй писать завешание.

– Извините, – смутилась я, пряча глаза.

Прозвенел волшебный звонок.

– Домашнее задание! Прочитать двадцать шестой, двадцать седьмой и двадцать восьмой параграфы. До слов: "И умер от противоядия!".

Я бросилась в комнату. Сейчас начнется обед! И Инквизитор будет на нем присутствовать! Так что нужно отдать ему научную работу, чтобы он отвязался!

Со всех ног я летела в сторону своей комнаты. На столе, защищенном тремя заклинаниями, под магическим куполом лежал мой опус.

Открыв дверь, я увидела жуткую картину.

– Швырк! – рвалась бумага. Часть бумаг лежала в луже. Часть на кровати. Стол был перевернут, а над моей научной работой глумился юный критик. Рядом с бумагами был разбросан мой нетронутый завтрак. Оладушки с сиропом... Мои любимые...

Взгляд Фуфлыжника намекал, что готов поделиться. Он вовсе не жадный, как уверяют ученые. И мне подтолкнули хвостом оладушек с налипшей пылью и волосами. С одной стороны его уже кто-то «кусь!». А с другой стороны по нему прошлась чья-то лапа.

Практика показала, что научная работа в сиропе куда вкуснее, чем без сиропа. И что выбирая между оладушком и тридцать восьмой страницей, последняя выглядит куда более аппетитно.

– Спасибо, ешь сам! Дай сюда научную работу! – схватила я все листики. И стала разбирать их по порядку.

Часть листов удалось выудить из "сокровищницы". Половинку одного достать из пасти дракона. А еще один реально влип. Эх! Потом уберу!

Кое-какие листы пришлось просушить. Порванные – худо – бедно склеить заклинанием. На некоторых сохранились кровавые брызги сиропа. Словно я вела статистику убитым рыцарям, засев в пещере среднестатистического дракона. И писала на том, что осталось от предыдущих рыцарей.

– Обидела ребенка! – как бы намекал Фуфлыжник, забираясь на кровать.

Дверь в комнату закрылась. И тут же запечаталась заклинанием.

Я бросилась вниз по ступеням к порталу, ведущему главный зал. Среди синих форм студентов, пышных форм студенток и черных строгих форм преподавателей, я увидела белое пятно.

Студенты обсуждали вчерашний обыск. Судя по обрывкам разговоров, Инквизитор теперь в курсе кто, кого, зачем и сколько.

– Вот, – протянула я стопку, не глядя ему в глаза. – Как и обещала.

На некоторых листах сохранились следы высохшей воды.

– Я бы даже сказал, потом и... надо думать... кровью... А вот тут вы прямо плакали. Очень трогательное место? – усмехнулся Инквизитор. – О! А вот здесь вы явно не согласны. Причем, очень категорично. Вот это я понимаю – опротестование!

Все! Надеюсь, он от меня отвязется и смогу жить спокойно!

– Я был уверен, что вы меня обманули, – слышался спокойный голос. – И никакой научной работы у вас в помине нет. Но вы меня просто приятно поражаете!

– Вы в чем-то меня подозреваете? – негромко спросила я, успокаивая свое сердце.

– Давайте сюда ваши научные труды, – произнес Инквизитор.

Я протянула ему стопку и...

Сердце оборвалось! Оно и до этого висело на одной единственной ниточке. А тут оно просто рухнуло вниз. Мои глаза расширились, когда я почувствовала, что он только что сделал!

Он...

Глава пятая. В которой я защищала научную работу и девичью честь

Моя научная работа полыхала в его руках. «Ой!» – шарахались студенты от огня.

– Да как вы смее! – закричала я, выхватывая листы и пытаясь потушить заклинанием.

– Вот это я понимаю – защитить научную работу. Теперь я верю, что вы очень заинтересованы в драконах, – заметил голос. Пока я спасала каждый листик. – Ну что ж, как насчет маленького приглашения на допрос?

Новость решила показать мне, на что способна гравитация. Поэтому я покачнулась, но устояла.

Листы выпали у меня из рук. А я даже не попыталась их поднять. Сердце ухнуло вниз. Руки безвольно опустились.

– Ну что ж вы так? – В негромком голосе слышалась улыбка. – Это почти как свидание. Только допрос. И вообще, свидание мало чем отличается от допроса. Все те же признания, откровения, робость и смущение.

– Почему я? – отважилась спросить я, не поднимая глаз.

– Я подал ректору список студентов, которые показались мне подозрительными. Их достаточно много. Но я решил начать с вас, – слышался голос с явной насмешкой. – С меня букет доказательств. С вас – чистосердечное признание. Обещаю приставать к вам, пока вы не расскажете всё, что знаете про дракона.

– С чего вы взяли, что я что-то про них знаю? – спросила я, сжимая кулаки.

Брать на себя ответственность за неудачную попытку «зажмурить» половину Академии я была не готова.

– Я пришлю вам приглашение, – вежливо сообщили мне. И обдали меня запахом духов.

Только я расслабила нижние чакры, как вдруг.

– А вашу работу я обязательно прочту, – заклинание собрало листы с пола. И вырвало последний листик из моих рук.

– Что он от тебя хотел? – послышался встревоженный голос Иона. Я упала ему на грудь и вжалась в нее. – Допрашивать? Да ладно тебе. Там половина Академии.

Эти слова меня капельку успокоили. Но лишь на капельку! Меня тут хотят вылечить от красного диплома испепелением!

– Меня тоже пригласили! Видимо, подозревают, что я отцовские артефакты таскаю! – беззаботно заметил Ион, садясь за стол.

Я села рядом, ковыряя обед. Аппетит где-то спрятался. И вылезать не захотел. Когда котлета превратилась в месиво маньяка, я положила вилку.

– Я хотел с тобой поговорить, – послышался задумчивый голос Иона. Я подняла на него глаза. – В тебе что-то изменилось. Не могу понять что. Причем недавно.

– С чего ты взял? – удивилась я. Мой взгляд скользнул по бледному лицу. И длинным волосам, подметающим старинный стол.

– Мы раньше с тобой проводили вместе много времени, – заметил Ион, подозрительно сощурившись. – А сейчас перестали. Раньше ты приглашала меня войти в комнату. А сейчас даже на порог не пускаешь. У тебя кто-то появился?

В этот момент мне очень хотелось рассказать про Фуфлыжника. Потому что две котлеты – лучше, чем одна. Но если все вскроется, то Иона ждут неприятности! Возможно, что даже его отец лишится должности.

– Да, учебун! – с улыбкой соврала я. – Напал на меня внезапно.

– Уче... кто? – спросил Ион.

– Он на тебя ни разу не нападал, поверь мне, – рассмеялась я как можно беззаботней. – Экзамены на носу. Обидно было бы провалиться на них!

И тут я вспомнила, что мне предстоит полировать клетки и выгребать навоз. Настроение испортилось окончательно.

– Мы могли бы встретиться сегодня? – улыбнулся Ион.

– Да, но меня оставили после уроков. Уже разрядка пришла на зверинец. Мог бы, между прочим, заступиться за меня перед отцом. Почистила бы котлы. Или отскребла бы заклинанием голубиный коктейль с окон! – заметила я.

– Правила есть правила, – ответил Ион. – И, как говорит отец, правила – это то, на чем держится Академия.

Я почему-то обиделась. Он ведь мог хоть попытаться! Но он даже не дернулся.

В кармане в пакетике шуршали котлеты. Одна надкушенная. Это то, что удалось тайком спереть со стола. И паштет.

После уроков меня торжественно отвели в зверинец. Размещался он в огромном зале. Его мог найти даже тот, кто впервые заблудился в Академии. По запаху неприятностей.

Иногда запах неприятностей был настолько невыносим, что сюда бросали целый отряд уборщиков. Но чаще всего довольствовались провинившимся старшекурсником.

Первокурсников не брали, поскольку отрачивать запасные пальцы магия еще не научилась. А рассказывать родителям, почему чадо никогда не сможет играть на клавесине, Академия не любила.

Комиссий сюда не водили уже лет двести. После того, как здесь лишилась девственности при сомнительных обстоятельствах одна старушенция из комитета нравственности. Все грешили на тролля. Но он молчал.

Потом она интересовалась, сколько стоит тролль. И торговалась в рассрочку.

Двери зверинца распахнулись. На меня повесили ведро, тряпочку с носовой платочек гнома. В углу стояла лопата. И мешок. На стенах висели всяческие предупреждения.

«Осторожно, горный тролль», – прочитала я, подходя к первому загону. Тролль с нежным именем Чудорас был стар, беззуб и вонюч. Времена его глубокой молодости были позади. Если кратко про его меню, то люди входили в него в твердом состоянии, а выходили в жидком и газообразном. Но со временем задорное «хрум-хрум» превратилось в унылое «чмок-чмок».

Любимым его занятием было теребить свое одиночество. И бросаться какашками в проходящих мимо людей. В душе он был ландшафтным дизайнером. И создавал причудливые ландшафты из переваренной морковки.

По соседству с ним жил лысый грифон Грифель. Он страдал переедами. И постоянно чесался клювом в подмышках. В тот момент, когда ему это надоедало, он начинал летать по клетке, разбрасывая перья и какашки в радиусе ста метров. Взмах могучих крыльев сбивал с ног. А истыканные перьями вонючие снаряды добивали морально униженную жертву. Его пробовали лечить. Но потом лечить приходилось целителей. Вот так собственный идиотизм мешал грифону обрести счастье.

На голове у него была тонзура. Лысина. А всё почему, потому что раньше грифонов было двое. Самец и самочка. И самочка имела привычку клевать самца. Вздых облегчения прокатился по Академии, когда она скончалась в силу возраста. Так что теперь он был холост, счастлив. И люто ненавидел женский пол.

Неподалеку обитала семейка гоблинов. Над ними висела табличка: «Тише, гоблины размножаются!». И висела шторка. Стоило ее отодвинуть, как видишь два унылых злобных существа, сидящих в разных концах клетки. Они смотрели друг на друга так, словно оба – мальчишки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.